

УДК 316.2

Основные аспекты проблемы социального действия в свете теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса

М.П. Чаушян

Статья посвящена анализу проблемы социального действия как базового понятия социологии. Вопрос рассматривается с точки зрения концепции коммуникативного действия известного немецкого социолога и философа Юргена Хабермаса. Показана перспектива изучения социального действия в современной науке.

Целью данной статьи является рассмотрение и анализ взглядов одного из крупнейших социологических авторов современности Юргена Хабермаса. Структурно работа будет разделена на две части: историко-социологическую и общесоциологическую.

В историко-социологической части рассматриваются все основные направления, в которых Юрген Хабермас проводит свои исследования и акцентируется внимание читателя на мнении данного ученого по поводу важнейших проблем социологической науки. Вслед за Хабермасом будут введены некоторые понятия, важные для нашего исследования, такие как, например, *«жизненный мир» и его эволюция, коммуникативное, нормативное, стратегическое и драматургическое действие.*

В общесоциологической части детально анализируется одна из сфер научного поиска Юргена Хабермаса, а именно его теория коммуникативного действия и типология социального действия в целом. Для этого мы обратимся к работе Юргена Хабермаса «Теория коммуникативного действия», в частности к главе, посвященной рациональным аспектам типологии действия.

Краткая биографическая справка

Юрген Хабермас родился 18 июня 1926 года в Дюссельдорфе. С 1949 года он изучал философию, историю, филологию, немецкую литературу и экономику в университетах Геттингена, Цюриха и Бонна. В 1954 году в Бонне Хабермас получает научную степень за работу *«Абсолютное в истории. Исследование философии мирового времени Шеллинга»*. С 1955 по 1959 год Хабермас работает ассистентом в институте социальных исследований во Франкфурте, где в 1961 году получает премию немецкого исследовательского общества. В том же году он переходит в университет Магдебурга, где становится приват-доцентом. С 1961 по 1964 год Хабермас преподает философию в университете Гейдельберга, с 1964 по 1971 – профессура по философии и социологии во Франкфуртском университете. В 1971 году Хабермас становится рабочим

директором института исследований социальных условий научного и технического мира в Штарнберге. В 1975 году Хабермас прекращает научную деятельность и становится почетным профессором Франкфуртского университета, однако в 1983 году он опять начинает преподавать во Франкфуртском университете.

Историко-социологическая часть

В настоящее время существуют два основных подхода к социальной реальности, две методологии социологического теоретизирования, два взгляда на социальную структуру. Оба они отражают действительные стороны общественного феномена. Каждый автор вынужден рассматривать две стороны этого феномена – *социальное действие* (поведение) и социальную систему (некоторую надындивидуальную реальность, жестко диктующую правила и образцы действий), при этом он обязательно признает одну из этих сторон приоритетной, что приводит к редукции другой. Различие перспектив рассмотрения общественного феномена предопределяет два взаимосвязанных, но несводимых друг к другу взгляда на социальную структуру и процесс институционализации. С точки зрения исследователей, берущих за основу индивидуальное действие, поведение, деятельность, общество представляет собой институционализированное действие, его структуры – это застывшие образцы поведения, которые уже в силу своей устойчивости способны оказывать обратное влияние на деятельность индивида. Действие в этом случае приобретает характер выбора между институциональными альтернативами, в котором и проявляется автономия самой личности. Другая группа исследователей исходит из понимания общества, как особого типа реальности, объективно существующего, имеющего свои собственные «законы», доступные объяснению только изнутри, понятие социальной структуры становится выражением этих внутренних законов (связей между социальными фактами, которые могут быть объяснены только другими социальными фактами). Структура здесь предстает как совокупность «императивных правил» организующих, объясняющих и детерминирующих действия индивидов, что делает весьма проблематичной человеческую «свободу выбора». «Люди в этом случае оказываются «игрушкой» в игре структурных связей, «марионеткой», приводимой в движение невидимыми структурными «нитьями» и, как любая марионетка, не осознающими наличия этих «нитей» ([1], с. 310).

Юрген Хабермас сегодня является одним из наиболее ярких и интересных авторов, пытающихся преодолеть односторонность подходов к рассмотрению общественной жизни. Круг источников, привлекаемых Хабермасом для решения этой проблемы чрезвычайно широк. Это и марксизм в классической его форме, и неомарксизм Франкфуртской школы, и теория рационализации М. Вебера, и когнитивная психология Ж. Пиаже, и феноменологическая традиция

А. Щюца и Т. Лукмана, и психоанализ З. Фрейда, и теория социальных систем Т. Парсонса, и идеи Дж. Г. Мида, и концепция солидарности Э. Дюркгейма.

Основной идеей, объединяющей большинство работ Хабермаса, является идея социальной эволюции. Проблемы и противоречия социологического теоретизирования переносятся в его работах из чисто логического в эволюционный план. Предлагаемый им научный синтез становится не синтезом логических категорий, а рассмотрением пути их возникновения, развития, идеологизации.

Эволюционно-методологическая направленность научного синтеза Юргена Хабермаса тесно связана с его взглядами на роль и предназначение социологической теории. Вслед за представителями Франкфуртской школы – М. Хоркхаймером и Т. Адорно (учеником которого был сам Хабермас) он видит основную задачу социологии в критике современного общественного устройства, критике идеологии. Хабермас утверждает, что эта критика (прежде всего критика знания) возможна только в рамках социальной теории, а также, что сама социальная теория может быть построена только в виде последовательной критики знания. Критический анализ основ социального знания способен, по мнению Хабермаса, дать социальным субъектам (людям) представление о действительном характере общественного устройства или, по крайней мере, показать истоки формирования идеологических искажений, осознание которых будет способствовать преодолению противоречий социальной жизни. В этом плане концепция Юргена Хабермаса сближается с концепцией психоанализа З. Фрейда. Психоанализ как совместное проникновение пациента и врача в глубины бессознательного первого, должно очертить аффективные следы и показать истоки формирования психических патологий, является средством преодоления искажений личности, возникших под влиянием внешних условий. Для Хабермаса социальная теория также является средством преодоления коммуникативных искажений, возникших под влиянием идеологии.

Основные понятия теории коммуникативного действия: «Жизненный мир» и его эволюция.

Исходным и центральным пунктом социологической концепции Хабермаса является категория «Жизненного мира» (Lebenswelt). Жизненный мир определяется Хабермасом как «нетематизированный горизонт значений, который составляет основание жизненного опыта индивида» ([1], с. 311).

Целью теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса является описание развертывания «жизненного мира» в эволюционной перспективе. Социальная эволюция состоит в развитии когнитивных способностей человека. Сравнивая мифический и современный способ понимания мира, мы вслед за Хабермасом приходим к выводу о том, что различие между ними основано на фундаментальном различии понятийных систем, в которых интерпретируется мир.

Основываясь на работах К. Леви-Стросса и Ш. Гodelье, Хабермас характеризует мифический способ понимания мира как неразрывное единство, в котором каждый пункт опыта ассоциируется с любым другим пунктом. Это ассоциирование происходит посредством бинарных отношений сходства и различия. Мифическое понимание мира, по словам Ш. Гodelье создает «гигантский лабиринт зеркал, в котором противостоящие образы мира и человека непрерывно отражаются друг в друге и отношения природы и культуры непрерывно разделяются и объединяются, будто в призме» [2].

Диаметрально противоположным мифическому пониманию мира является разделение *объективного, субъективного и социального миров*, основополагающее для современного разума. Хабермас показывает, что недостаточность различения сфер отнесения «жизненного мира» характерна не только для мифической стадии развития так называемых «примитивных народов», но существует и в современном типе общества, особенно у детей и подростков. Противопоставление «закрытого» (мифического) и «открытого» (современного) взглядов на мир дает Хабермасу возможность утверждать, что второе понимание мира является более рациональным. Это превосходство в рациональности обусловлено превосходством познавательного потенциала современного человека над мифологическим и религиозно-метафизическим познанием. Таким образом, социальная эволюция, по мнению Юргена Хабермаса, прежде всего развитие познавательных способностей человека. Стержнем эволюционного процесса становится веберовская концепция рационализации. Однако Хабермас утверждает, что в современных условиях эта концепция требует критической адаптации. Так, по мнению Хабермаса, следует переосмыслить понятия «разума» и «рациональности», это переосмысление должно происходить на трех логических уровнях. На *метатеоретическом* уровне это переосмысление предполагает установление связи между разумом и действием, исходя из исторической перспективы развития рациональности, на *методологическом* уровне установление этой связи выражается в том, что понимание значимого социального действия возможно только на основе рациональной критики знания, и наконец на *эмпирическом* уровне теория рациональности должна создать критическую основу для идентификации прогрессивных и регрессивных черт современного нам общества. Определяя рациональное действие, Юрген Хабермас пытается избежать ложного, на его взгляд, отождествления понятий целеполагания и рациональности. Для него рациональным является всякое действие, относительно которого индивид способен выдвинуть рационально оправданное суждение. Действие может быть целенаправленным, но оно не будет рациональным до тех пор, пока оно не будет полностью осознанно в рамках суждений о его целях и средствах их достижения.

В аргументации, выдвигаемой индивидом для оправдания (рационализации) собственного действия, Юрген Хабермас выделяет три уровня: *логический, риторический и диалектический*. На

логическом уровне аргумент должен удовлетворять требованиям внутренней и внешней логической непротиворечивости. На риторическом уровне аргументация должна удовлетворять условиям процедурной справедливости. Эталонным случаем риторического процесса Хабермас считает «идеальную речевую ситуацию», то есть такую ситуацию, когда все участники коммуникативного взаимодействия имеют одинаковые возможности изложить свои доводы и возражения. Как диалектическая процедура аргументация понимается Хабермасом как «особая форма взаимодействия», при которой требования валидности могут критиковаться независимо от повседневного опыта. Таким образом, рациональность есть средство оправдания действия. Действие рационально настолько, насколько оно может быть оправдано на всех трех уровнях аргументации.

Переосмысливая концепцию рациональности, Хабермас набрасывает общие контуры социальной эволюции. Основываясь на работах Ж. Пиаже, он по новому рассматривает взаимоотношения разума и действия в эволюционной перспективе. Согласно теории Пиаже, основное направление когнитивного и морального развития связано с децентрализацией понимания реальности от эгоцентрического понимания мира. В процессе децентрализации Пиаже выделял 4 стадии:

1. *Симбиотическая* стадия, на которой ребенок не способен отделить себя как материального субъекта от предметного окружения и окружающих его лиц, его референтной группы (родителей)

2. *Эгоцентрическая* стадия, на которой ребенок дифференцирует себя от внешнего окружения, но не видит различия между физической и социальной реальностью и воспринимает ситуацию, только исходя из собственной эгоистической точки зрения.

3. *Социоцентрическая* стадия, когда дети начинают выделять конкретные операции и различать воспринимаемые и поддающиеся манипуляции объекты от понимаемых субъектов и действий.

4. *Универалистская* стадия, на которой дети способны критически рефлексировать относительно предшествующего опыта и критически воспринимать существующую ситуацию.

Юрген Хабермас считает, что социальная эволюция, понимаемая как развитие познавательных способностей человека, в своих сущностных чертах, повторяет предложенные Ж. Пиаже стадии развития мышления. Хабермас выделяет соответственно следующие стадии социальной эволюции: *мифопоэтическую, космологическую, религиозную, метафизическую и современную*. Все эти стадии отражают процесс децентрализации, каждая последующая стадия характеризуется большей способностью к различению. Кроме того, каждая последующая стадия более рациональна, чем предыдущая, это увеличение рациональности связано с тем, что каждая новая стадия социальной эволюции дает новые средства для решения социальных проблем, включая возможность объяснения, почему эти средства лучше, чем предыдущие.

Эволюция «жизненного мира» приводит к тому, что изначально неразрывное единство опыта дифференцируется, в нем постепенно выделяются структуры, управляющие отнесением опыта к трем сферам «жизненного мира»: *объективному, социальному и субъективному* мирам. Эти миры отличны от самого «жизненного мира», они есть сферы референции, приписываемые «жизненному миру». Одно и то же явление реальности может быть рассмотрено по-разному в соответствии с избранной нами схемой референции. Так, например нормы и ценности могут быть рассмотрены как в рамках объективного мира, в качестве неких образцов поведения, так и в рамках социального (как культурные явления) и субъективного (в плане их переживания и интериоризации индивидом) миров.

Миры референции, возникающие в процессе децентрализации «жизненного мира», отличаются друг от друга не только установками восприятия реальности, но и критериями рациональности. В каждом из миров рациональность принимает особую форму и имеет особый статус.

Теория социального действия Юргена Хабермаса.

Концепция эволюции «жизненного мира», устанавливающая связь между действием и знанием, приводит Юргена Хабермаса к созданию собственной теории социального действия. Как и большинство социологов, занимавшихся проблемой социального действия, Хабермас полагает, что социальное действие имеет целенаправленный характер. Однако, цели, на достижение которых направлены действия, представляются ему далеко не произвольными, они тесно связаны с явлениями миров отнесения, выражающими установки «жизненного мира». По аналогии с концепцией социального действия Макса Вебера Хабермас выделяет «идеальные типы» социального действия. Он сам говорит, что его «идеальные типы» – это критически переосмысленные типы действия Вебера. Необходимость переосмысления этих типов, по мнению Хабермаса, связана с эволюцией «жизненного мира», рационализировавшей социальное действие и приведшей к изменению его типологии. В современных условиях можно выделить четыре идеальных типа социального действия.

Первым идеальным типом является *стратегическое действие*, то есть действие, управляемое эгоистическими целями, при достижении которых принимается во внимание поведение хотя бы одного другого индивида. Стратегическое действие рационально в той степени, в которой деятель выбирает наиболее эффективное средство для достижения цели. Исходя из такого понимания рациональности, участники стратегического действия относятся друг к другу как к объективным средствам или препятствиям на пути достижения цели.

Вторым идеальным типом является *нормативное действие* – это социальное действие, целью которого является достижение взаимовыгодных экспектаций, осуществляемое посредством

подчинения своего поведения общепринятым или (в случае субкультуры) разделяемым внутри данной (референтной для деятеля) группы ценностям и нормам. Нормативное действие рационально настолько, насколько оно соответствует социально принятым стандартам поведения. Эталон нормативного действия – такая ситуация, в которой наличные стандарты поведения выражают интересы всех участников действия.

Третий тип – *драматургическое действие*, целью которого является самопрезентация, «представление самого себя» или создание публичного имиджа. Введение Хабермасом этого типа действия во многом обусловлено его интересом к разработкам Э. Гофмана в рамках «драматургического подхода». Однако у Хабермаса понятие драматургического действия или «ролевой игры» обозначает не приспособление к социально установленным формам поведения, а свободное выражение индивидуальности деятеля. Рациональность драматургического действия одинакова по форме с рациональностью стратегического действия, но они отличаются по критерию оценивания. Если эффективность стратегического действия оценивается количеством затрат, то эффективность драматургического действия определяется его «искренностью», то есть соответствием роли, исполняемой актером, его истинным, действительным чертам.

Наконец четвертый тип действия *коммуникативное действие*. Целью данного типа социального действия является свободное соглашение деятелей для достижения совместных целей в определенной ситуации. В отличие от предыдущих типов, которые могут включать в себя координацию усилий участников действия, направленную лишь на то, чтобы заставить других способствовать достижению своей цели, коммуникативное действие предполагает достижение взаимопонимания между деятелями относительно всех критериев рациональности, выдвигаемых мирами референции, то есть фактически этот тип действия предполагает координацию ради нее самой. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что коммуникативное действие противостоит всем трем предыдущим типам, а особенно стратегическому действию.

Создавая собственную концепцию социального действия, Хабермас сосредотачивает свое внимание на том, как различные цели, выражающие структуры «жизненного мира», способствуют координации действий участников социальной ситуации.

Практические следствия теории коммуникативного действия. Эволюция Западного мира.

Задача критической теории Юргена Хабермаса состоит не только и не столько в исследовании теоретических и методологических аспектов социального познания, сколько в анализе реальных противоречий современного мира. Рассматривая социальное устройство современных развитых стран, он пытается прояснить происхождение и возможные сценарии развития современных институтов, определить возможности их улучшения. Он пишет: «... Надо было выяснить, почему капитализм, несмотря на присущие ему кризисные тенденции, мог все дальше развиваться и

стабилизироваться» [3]. Осмыслению этой проблемы посвящена его реконцептуализация исторического материализма.

Хабермас соглашается с Карлом Марксом относительно того, что труд и язык являются основными факторами антропогенеза, и что именно они и отличают человека от животных. Однако он считает, что Маркс придает преувеличенное значение труду, забывая при этом о роли языка. Сам же Хабермас рассматривает труд и его порождение «инструментальный разум» как одно из измерений человеческой жизни, однако он доказывает, что сам по себе социально организованный труд недостаточен для выделения человека из животного мира. Фактически язык и коммуникации являются фактором, окончательно выделяющим человека из животного мира, а абсолютизация роли труда «ведет Маркса и его последователей в ловушку инструментального рассуждения, выражающуюся в «экономическом сверхдетерминизме» ([1], с. 325).

Приоритет экономики в концепции Маркса, по мнению Хабермаса, может объяснить только переход от средневековья к современности, однако он оказывается недостаточным для объяснения тенденций развития современной эпохи. Для объяснения принципов современного развития Хабермас вводит наряду с экономическими механизмами, сводимыми к диалектике производительных сил и производственных отношений, четыре организационных принципа, отражающих основные стадии развития коммуникации:

Родство – положение индивида в социальной системе детерминировано полом и возрастом;

Leueage – положение детерминировано статусом семьи;

Политическая служба – положение детерминировано общими моральными соглашениями, связанными с законодательным, судебным и исполнительным авторитетом правителя;

Формальное право – положение детерминировано индивидуальными предпочтениями в соответствии с писанным законом и процедурной справедливостью.

В каждом конкретном обществе каждому организационному принципу, каждой стадии развития коммуникаций может соответствовать любой из способов производства. В обществе, где господствует тот или иной организационный принцип, «возможно существование нескольких функционально эквивалентных способов производства» [4]. Исходя из этого, Хабермас считает, что различные факторы, а именно экономический и социальный, детерминируют общества различного типа, а переход от одного уровня развития к другому основан на развитии «жизненного мира». Так, например, он говорит, что экономический фактор доминирует только на этапе раннего капитализма. Вообще для каждого типа общества характерен свой институциональный комплекс, который управляет им: это могут быть экономические институты раннекапиталистического общества, государство для эпохи позднего капитализма, системы родства для племенной общественной организации. Эволюция «жизненного мира» направлена к меньшему подавлению и искажению характера взаимодействия, доказательством чему является

рост независимости и автономии личности в системе социальных взаимодействий. Вообще целью социальной эволюции, по мнению Хабермаса, является достижение «универсальной рациональности», то есть ситуации, в которой взаимодействие индивидов ничем не искажено.

Однако процесс эволюционного развития «жизненного мира» является проблематичным. Противоречия «системы» и «жизненного мира» приводят к кризисам, различным для каждого типа общества. Таким образом, каждая новая стадия приносит свои искажения, не устраняя искажений, доставшихся ей от предыдущей стадии.

Юрген Хабермас выделил три типа кризиса, характерных для капиталистического общества.

Для *раннего капитализма* основной движущей силой выступает *экономический кризис*, находящий свое выражение в борьбе труда и капитала, пролетариата и буржуазии. Ответом на экономический кризис стал рост государственного вмешательства в экономику, Хабермас называет это вмешательство *государственной «интервенцией»*. Следует отметить, что экономический кризис протекает как на «системном» уровне, так и на уровне «жизненного мира».

Рост государственной «интервенции» приводит к *«кризису рациональности»*. Это кризис системного уровня, возникающий вследствие постоянного расширения государственных полномочий и перекладывания на государство негосударственных функций. Причина этого кризиса коренится в неспособности государства примирить различные, порой конфликтные интересы частного капитала. На уровне социальной интеграции этот кризис проявляется в «кризисе легитимации», то есть государство, неспособное решить проблему конфликтных интересов различных социальных групп, теряет в глазах населения свою легитимность.

Следующий кризис, в отличие от кризиса рациональности, который связан с политической сферой, перемещается в сферу культуры. Хабермас определил его как *мотивационный кризис*. Этот кризис протекает на уровне социальной интеграции, то есть на уровне «жизненного мира», он вызван ростом «интервенции» государственной власти во все сферы жизни людей и ростом технократического контроля. Эти явления необходимы для управления экономическим, рациональным и легитимационным кризисами, но сами они по сути приводят к еще более опасному кризису – кризису мотиваций, который выражается в кризисе заинтересованности человека в социальной системе как таковой. «Гонка экономической конкуренции уходит в прошлое вместе с «рабочей этикой» и заинтересованностью в труде» ([1], с. 328). Работа становится рутинной, бюрократически упорядоченной. Государство вмешивается во все сферы жизни людей, тем самым, исключая возможность полезного участия их в принятии решений, и разрушая демократические институты. По мнению Юргена Хабермаса, студенческие выступления 60-х годов, рост антивоенного, женского и экологического движений являются симптомами приближающегося мотивационного кризиса.

Общесоциологическая часть. *Рациональные аспекты социального действия в четырех социологических понятиях действия (анализ главы из работы Юргена Хабермаса «Теория коммуникативного действия»).*

Юрген Хабермас вводит четыре понятия социального действия, важные для дальнейшего построения его социологической теории. Эти понятия мы вслед за Хабермасом введем через анализ взаимоотношений типа «Деятель – Мир» ([5], с. 115), о которых мы будем говорить с точки зрения трех миров отнесения: *объективного, субъективного и социального*. В этой связи мы сначала обратимся к концепции трех миров Карла Поппера (1), однако это рассмотрение взглядов Поппера не будет основной задачей нашего исследования, а лишь поможет более точно определить миры отнесения «жизненного мира» (то есть объективный, субъективный и социальный миры), теория трех миров Поппера как бы подготовит нас к пониманию миров отнесения, исходя из которых мы собираемся определять различные типы действия. Затем мы проанализируем понятия телеологического, нормативного и драматургического действия (в соответствии со схемой отношений «Деятель – Мир») (2). Эти понятия помогут нам раскрыть понятие коммуникативного действия(3).

(1) В своем докладе о «Теории познания без познающего субъекта» Поппер выдвигает следующую идею: «... можно выделить три основных области (мира) вселенной: 1. Мир физических состояний; 2. Мир состояний сознания или мир побудительных мотивов; 3. Мир объективных идейных содержаний» ([6], с. 123), позже Поппер поясняет содержание последнего третьего мира и определяет его как «мир продуктов человеческого духа» ([7], с. 38). Поппер также отмечает, что отношения между символическими объектами, которые еще не открыты человеческим духом, следует также относить к третьему миру. В своей концепции трех миров Поппер пытается развить проблему отношений между духом и телом. Интересно то обстоятельство, что Поппер, опираясь на эмпирические доказательства, утверждает, что субъект изначально отделен и противопоставлен всем трем мирам. Исходя из этого, нам становится ясно, почему Поппер назвал свою работу «Теория познания без познающего субъекта», и почему он понимает свое учение о трех мирах и объективном духе как расширение эмпирической концепции. Все последующие теории, касающиеся объективного духа, начиная с Дильтея и заканчивая Теодором Литтом и Хансом Фрейером, исходят из примата активного (действующего) духа, который «находится» в сконструированном им мире, и в тоже время сам представляет собой этот мир («мир продуктов человеческого духа»). Поппер же, напротив, указывает на примат и первичность мира над духом, чтобы доказать это он вводит второй и третий миры по аналогии с первым. На этом этапе его концепция напоминает теорию Николая Хартмана о духовных

сущностях [8]. Так же как Хартман делал разделение между объективированным и объективным духом, Поппер различает *эксплицитные* смыслы (объекты третьего мира), которые нашли свое выражение в различных феноменах, текстах, машинах и других материальных объектах, и *имплицитные* смыслы, которые еще не «открыты» человеком, то есть не нашли еще объектов носителей из первого (материального) мира. Эти «unembodied world 3 objects» ([7], с. 41), то есть имплицитные смыслы, не получившие еще материальной оболочки, представляют собой, по мнению Поппера, важное доказательство и индикатор независимости мира от объективного духа.

Очевидно, что все три мира находятся в постоянном взаимодействии, причем первый мир (мир физических состояний) может напрямую взаимодействовать только со вторым миром (миром состояний сознания), который в свою очередь может находиться во взаимодействии с третьим миром («миром продуктов человеческого духа»). Таким образом, процесс объективации, то есть взаимодействия первого и третьего миров, выраженного в переходе имплицитных в эксплицитные сущности, может происходить только посредством второго мира.

Однако Поппер понимает третий мир не только онтологически, то есть как совокупность некоторых имплицитных и эксплицитных смыслов, он говорит о третьем мире как о некой понятийной перспективе научного развития: третий мир объединяет, по мнению Поппера, научно обработанные когнитивные составные части общечеловеческого культурного опыта. Оба эти аспекта (онтологический и познавательный) теории трех миров Поппера при попытке положить их в основу социологической концепции оказываются весьма ограниченными.

I. C. Jarvie следующим образом определил модель третьего мира: «Мы установили, что общество представляет собой независимую область между материальным и ментальными мирами. Эта область, реальность, мир очень сложна, и люди, чтобы приспособиться, вынуждены исследовать этот мир, пытаться составить его «карты» ... в соответствии с этими «картами» социального пространства люди ведут себя в этом мире» ([9], с. 236). Такое представление Jarvie о «картах» социального пространства дает достаточно интересную картину связи между социологическим понятием действия и теорией трех миров Поппера, однако эти представления также оказываются достаточно ограниченными для понимания истинной природы социального действия, так как «карты» социального пространства остаются лишь теоретической конструкцией.

Мы вслед за Юргеном Хабермасом попытаемся составить свое понимание этой связи, и, в соответствии с ним, опишем типы социального действия.

(2) Далее мы больше не будем использовать терминологию Поппера относительно теории трех миров, мы будем, вслед за Хабермасом, говорить об *объективном, субъективном и социальном мирах отнесения*. Хабермас обращается к поведенческой интерпретации теории трех миров Поппера Jarvie, что позволяет ему на основе миров отнесения схемы «Деятель – Мир»

выделить четыре типа социального действия. Сначала мы кратко определим каждое из четырех понятий действия, а затем более подробно поговорим о каждом из них. Как мы уже упоминали, Юрген Хабермас разрабатывал свою концепцию действия как некоторую реконцептуализацию теории действия Макса Вебера, в соответствии с этим мы попытаемся провести некоторые аналогии с идеальными типами социального действия, выдвинутыми Вебером и сравнить их с типами действия Хабермаса. Кроме этого мы обратимся к концепции действия другого классика социологии Т. Парсонса, который так же, как и Хабермас пытался «объединить» два основных подхода к социологической науке, две основных парадигмы. Здесь имеются в виду те два основных подхода, о которых мы говорили в начале историко-социологической части, то есть: подход, исходящий из *социального действия* (поведения) и подход, основанный на понятии социальной системы как некоторой надындивидуальной реальности, жестко диктующей правила поведения и образцы действий. На основе этих сравнений мы попытаемся сделать вывод о том, насколько Хабермасу удалось реконцептуализировать теорию Вебера и «объединить» две основных парадигмы социологии. Для начала мы кратко изложим основные идеи Вебера и Парсонса относительно социального действия.

Главным основанием теории действия Макса Вебера является принцип, в соответствии с которым, не любое действие может быть признано социальным, социальное действие (по Веберу) это – только то действие, которое ориентировано на поведение и ожидания другого человека; оно не идентично ни «единообразному поведению» (знаменитый пример Вебера с зонтиками) ([10], с. 626), ни поведению, на которое влияет поведение других (поведение человека в толпе). По степени рациональности Вебер выделяет следующие идеальные типы социального действия: *традиционное*, то есть «основанное на длительной привычке», *аффективное*, то есть действие, «...обусловленное аффектами или эмоциональным состоянием индивида», *ценностно-рациональное*, то есть действие, «основанное на вере в... самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет», и, наконец, *целерациональное*, то есть действие, в основе которого лежит «ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей» ([10], с. 628).

Что касается теории действия Т. Парсонса, то основным ее понятием является понятие типовых переменных действия, то есть некоторых переменных, крайние (предельные) значения которых составляют пространство (континуум), в котором могут быть определены идеальные типы социального действия. Следует отметить, что действие в теории Т. Парсонса понимается как «...некоторый процесс в системе «субъект действия-мотивация», имеющий мотивационное значение для действующего индивида» [11]. Парсонс выделил пять типовых переменных (типовых пар): *аффективность* и ее противоположность *аффективная нейтральность*; *индивидуальная ориентация* (то есть ориентация на индивидуальные личные цели) и *коллективизм* (ориентация на

интересы коллектива); *универсализм* (то есть одинаковое, универсальное отношение ко всем людям) и *партикуляризм* (то есть особое «пристрастное» отношение к кому-либо на основе личных симпатий или антипатий); *достиженчество* и его противоположность *аскрептивность*; *диффузность* и *контрастность*. Для Парсонса особое значение имели две типовые пары, через которые он и предлагал определять различные типы действия, это - *универсализм* – *партикуляризм* и *аскрептивность* – *достиженчество*. Однако для нашего исследования особое значение приобретут две других пары типовых переменных: *аффективность* – *аффективная нейтральность* и *индивидуальная ориентация* – *коллективная ориентация*. Мы попытаемся проанализировать типы действия, выделенные Юргеном Хабермасом, с точки зрения системы координат, построенной на основании этих переменных, то есть мы попытаемся поставить в соответствие каждой координатной четверти один тип действия.

Однако прежде чем сравнивать теорию действия Хабермаса с теориями Вебера и Парсонса следует кратко пояснить, что именно подразумевал под каждым из типов социального действия Хабермас.

Понятие *телеологического действия* еще со времен Аристотеля находилось в центре философской теории действия. В рамках телеологической модели действия деятель (актор) целенаправленно достигает свою цель или влияет на возникновение того или иного желательного для него явления, при этом он выбирает в сложившейся ситуации действия определенные средства достижения своей цели. Телеологическое действие может превращаться в *стратегическое* действие, которое происходит, если деятель, выбирая между различными возможными альтернативными сценариями действия, принимает во внимание и ориентируется на ожидания как минимум одного другого субъекта. Эту модель действия часто называют утилитаристской, так как предполагается, что деятель выбирает цели и средства из соображений максимизации пользы для себя. Эта модель действия лежит в основе всех экономических отношений.

Понятие *нормативного действия* определяет поведение субъекта (деятеля) как члена социальной группы, которая задает цели и способы его действия в соответствии с определенными ценностями и нормами, разделяемыми в рамках данной группы. Все члены группы могут ожидать друг от друга определенного действия в определенной ситуации. Центральным понятием здесь является *следование нормам*, то есть действие в соответствии с нормами, выражающими ожидания других членов группы. Следует отметить, что в данном контексте понятие ожидаемого действия употребляется Хабермасом не в когнитивном смысле, то есть не как некий прогноз будущего сценария протекания действия, а в нормативном смысле, то есть как поведение людей, включенных и подчиненных данному ожиданию. Нормативная модель действия лежит в основе статусно-ролевой теории. Следует отметить, что такое понимание Хабермасом нормативного действия очень близко к веберовскому ценностно-рациональному действию.

Понятие *драматургического действия* определяет поведение не отдельного субъекта, и не деятеля как члена некоторой социальной группы, а поведение субъектов как участников определенной интеракции (взаимодействия), которые составляют друг для друга «публику», которой они представляют себя. Деятель, как актер, пытается вызвать в публике определенный (нужный ему) образ, впечатление. Центральным понятием здесь является понятие *самопрезентации*, которое означает не спонтанное, аффективное выражение себя, а целенаправленная, ориентированная на зрителя стилизация впечатлений о себе, создание публичного имиджа.

Понятие *коммуникативного действия* характеризует взаимодействие двух «говорящих» и дееспособных субъектов. Слово "говорящие" употребляется здесь не случайно, оно подчеркивает особую роль языка, как главного средства общения и взаимодействия, для коммуникативного действия. Сначала деятели ищут «общий язык», общее понимание ситуации, в которой протекает действие, затем они, скоординировав свои усилия, достигают своих целей. Центральным понятием здесь является понятие *интерпретации*, которое определяет ту фазу взаимодействия, когда деятели ищут так называемый «общий язык», то есть каждый из них определенным образом интерпретирует ситуацию, в которой протекает действие.

Далее мы вслед за Юргеном Хабермасом определим каждое из вышеперечисленных понятий с точки зрения рациональности и схемы отношений типа «Деятель – Мир».

(а) Понятие *телеологического действия* схватывает отношения между деятелем и миром существующих, внешних сущностей (то есть объективным миром). Этот объективный мир предстает перед нами в виде совокупности неких обстоятельств, определяющих состояние объективной реальности. Телеологическая модель действия ставит деятеля в ситуацию, когда он вынужден составлять мнение об уже существующих обстоятельствах, и наряду с этим сам создавать желаемые обстоятельства. В данной ситуации для деятеля существуют два глобальных сценария, две альтернативы рационального взаимодействия с объективным миром. С одной стороны для деятеля стоит вопрос о том, как согласовать свое мнение с тем, что реально существует в объективном мире, то есть *приспособиться* к обстоятельствам объективного мира. С другой стороны деятель может наоборот согласовать сам объективный мир со своими желаниями и намерениями, путем искусственного создания обстоятельств, способствующих достижению цели действия, то есть *преобразовать* объективный мир.

Таким образом, с точки зрения концепции трех миров мы можем определить телеологическое действие как понятие, отражающее объективный мир взаимодействия деятеля с ним.

То же самое происходит и с понятием стратегического действия, с той разницей, что здесь, по крайней мере, два субъекта действуют телеологически, причем каждый из них преследует свои

личные цели. Следует отметить, что в рамках стратегической модели действия деятели нередко объединяются и действуют массово и кооперативно.

В целом эта модель действия полностью соответствует прагматическому и утилитаристскому пониманию мира. Что же касается примеров стратегической и телеологической моделей действия, то достаточно обратиться к такой области социальной жизни как экономические отношения, и мы найдем массу примеров этих типов действия. Так, например такое явление экономики, как конкурентная борьба является ни чем иным, как проявлением стратегического действия. Ведь каждый предприниматель находится в ситуации выбора: он может приспособиться к сложившейся ситуации объективного мира (в данном случае к рыночной ситуации) и, например, впустить на рынок товар лучший, нежели у конкурента (кстати, этим он косвенно преобразует ситуацию), с другой стороны он может попытаться прямо преобразовать ситуацию, то есть искусственно создать такие обстоятельства объективного мира, при которых конкуренции на данном рынке вообще не станет (например, физически устранить конкурента). Другим примером является то, что в области экономических отношений люди еще с достаточно древних времен объединялись в различные корпорации (например, средневековые ремесленные цеха или современные профессиональные союзы). Этот пример иллюстрирует массовость и кооперативность, которые нередко характерны для стратегического действия.

Если попытаться сравнить *стратегическую* модель действия Хабермаса с аналогичным, по нашему мнению, идеальным типом социального действия по Веберу, то есть с *целерациональным* действием, то мы обнаружим здесь множественные сходства. Так по Веберу «целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты действия» ([10], с. 629). Здесь явно просматривается такая же, как и в стратегической и телеологической моделях действия Хабермаса утилитаристская ориентация на достижение личной цели (целью является максимизация *пользы*) и рационалистическая ориентация на средства и побочные результаты действия, причем другие участники взаимодействия (деятели) рассматриваются именно как средства достижения собственной цели. Однако наряду со сходствами здесь имеются и существенные отличия, по которым можно судить о том насколько Хабермас преобразовал концепцию действия Вебера, в соответствии с современными требованиями рациональности (как мы уже упоминали, Хабермас рассматривал свою теорию действия как реконцептуализацию теории Вебера). С точки зрения Вебера «ценностная рациональность всегда иррациональна» ([10], с. 630) относительно целерационального действия, то есть, другими словами, тип действия, стоящий в классификации Вебера выше, то есть более рациональный не может включать в себя элементы другого, менее рационального типа. Здесь Хабермас вносит некоторые изменения в веберовское понимание действия и рациональности вообще, так, например, стратегическое действие по Хабермасу вовсе не исключает элементов

других моделей действия (например, нормативного). Пример и доказательство этого можно найти, если вновь обратиться к экономике, которую мы приняли за «сферу влияния» стратегической модели действия, однако даже в этой сфере присутствуют элементы нормативного действия и связанной с ним нормативной регуляции, так предприниматель, ориентированный на достижение личной цели, тем не менее, вынужден соблюдать некоторые правила и нормы ведения дел, зафиксированные в законе и профессиональных этических кодексах.

Теперь мы попытаемся отнести телеологическую и стратегическую модели действия к определенной четверти системы координат социального действия, позаимствованной нами у Парсонса. Итак, по нашему мнению, телеологическое действие следует отнести к той части нашей системы координат, где «пересекаются» индивидуализм и аффективная нейтральность. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, действуя телеологически, индивид всегда ориентируется на достижение своей личной цели, а с другой стороны телеологическое действие предполагает полную осознанность и, если можно так выразиться рациональность (то есть аффективную нейтральность). Здесь следует также отметить особое положение стратегического действия, которое, по нашему мнению, немного смещено в сторону коллективизма по горизонтальной шкале (см. приложение) относительно телеологического действия, так как в нем принимают участие два и более деятелей и поэтому каждый из них вынужден принимать во внимание интересы и цели своего партнера по взаимодействию, а значит косвенно ориентироваться в процессе своего действия на коллективные интересы.

(б) Понятие *нормативного действия* описывает взаимоотношения деятеля и сразу двух миров. Как мы уже говорили, рядом с объективным миром (миром внешних сущностей) находится социальный мир, к которому деятель принадлежит как субъект некоторых социальных связей и взаимодействий, играющий какую-либо роль в них. Основным содержанием социального мира является понятие *нормативного комплекса*, которое определяет те взаимодействия, которые входят в совокупность межличностных отношений. Как в объективном мире основной смысл заключается в существовании внешних, объективных обстоятельств, так и смысл социального мира можно связать с понятием социальных норм. Если мы обратимся к лингвистической практике, то мы обнаружим, что языковые структуры, выражающие объективные обстоятельства и нормы (объекты социального мира), достаточно близки. Так объективные обстоятельства представлены в языке в виде «верных высказываний», установившиеся нормы представлены в виде повелительных предложений типа «следует делать так ...» или «N обязан делать то-то», из языковой конструкции мы видим, что нормы являются обязательными для выполнения. Здесь мы можем говорить о сходстве объективных обстоятельств и социальных норм только при том условии, что и те и другие разделяются всеми участниками взаимодействия. Очевидно, что высказывание не станет верным до тех пор, пока это не признают все субъекты, включенные во

взаимодействие, то же самое можно сказать и о норме: она никогда не будет работать, если хоть один из участников взаимодействия не разделяет ее.

В отношении понятия нормативного действия следует также отметить особый подход Хабермаса к определению понятия культурной ценности. Он не связывает с ценностями такого значения как с нормами и утверждает, что они (ценности) могут претендовать на олицетворение норм. Однако здесь, по нашему мнению, Хабермас допускает абсолютизацию значения нормы, и, наоборот, занижает значение ценности, в то время, как у нас есть все основания говорить о ценности как о ядре культуры. Так, например, если мы обратимся к родовому понятию социологии – социальному действию, то мы обнаружим, что действующий индивид, выбирая средства достижения цели и возможные сценарии действия, руководствуется в первую очередь теми ценностями, которые он разделяет. Кроме того, следует отметить, что ценности являются более общими социальными образованиями по сравнению с нормами, нормы это – лишь конкретные образцы действия, построенные на основе тех или иных ценностей.

Как мы уже упоминали, нормативная модель действия проявляется в большой степени в ролевых отношениях. Как нам известно, в соответствии со статусно-ролевой теорией, любая роль характеризуется двумя основными аспектами: функциональной целесообразностью и социокультурным аспектом, в основе которого и лежат нормы и ценности.

Здесь, по нашему мнению, уместно будет провести некоторую аналогию с ценностно-рациональным и частично традиционным действием по Веберу. Мы снова обнаруживаем некоторые сходства теорий действия Хабермаса и Вебера, который говорил, что «ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим представлениям о долге, достоинстве ...» ([10], с. 629). Эти представления о долге, достоинстве и т. п. И есть содержание собственно ценностей, которыми индивид руководствуется в процессе действия, именно в этом, по нашему мнению, и заключается сходство ценностно-рационального типа у Вебера и нормативной модели действия Хабермаса. Что же касается традиционного действия (по Веберу), то оно соотносится с «инструментальным» аспектом нормативного действия, то есть и у Вебера и у Хабермаса индивид действует в соответствии с определенными нормами, разделяемыми и принятыми в данном обществе или группе. Однако, следует отметить, что у Хабермаса нормативная модель действия не предполагает слепого следования нормам, индивид ориентируется на ожидания других людей, поэтому нормативная модель, видимо, является более рациональной по сравнению с традиционным действием у Вебера.

Теперь мы попытаемся проделать с нормативной моделью действия то же, что сделали с телеологическим действием, то есть мы попытаемся отнести ее к одной из четвертей нашей системы координат социального действия. Итак, мы поставим нормативное действие на пересечении аффективности и коллективизма, однако мы не можем говорить о нормативном

действию как о полностью неосознанном и аффективном, поэтому следует несколько сдвинуть его в сторону аффективной нейтральности. Если попытаться обозначить на вертикальной шкале, шкале рациональности идеальные типы действия по Веберу, то тогда нормативное действие будет находиться, по нашему мнению, на стыке традиционного и ценностно-рационального типов действия (см. приложение). Что же касается второй переменной (коллективной ориентации), то здесь, по нашему мнению, совершенно очевидно решение отнести нормативную модель действия к ней, так как нормативное действие обязательно предполагает следование разделяемым *всеми* нормам и ценностям.

(в) Понятие *драматургического действия* является менее изученным в рамках социологии, нежели понятия телеологического и нормативного действия. Гофман ввел это понятие в 1956 году в своем исследовании «повседневной самопрезентации» [12]. Понятие драматургического действия, так же как и понятие нормативного действия, описывает взаимоотношения деятеля сразу с двумя мирами: социальным и субъективным. Определяя это понятие, мы будем пользоваться терминологией Гофмана, а именно участников действия мы будем называть актерами, место действия – сценой. Отдельно следует отметить то, что Гофман, определяя драматургическую модель действия, кроме двух взаимодействующих субъектов выделял также и третий элемент взаимодействия – *публику*, он пишет: «на сцене актеры являются партнерами ... публика является третьим партнером во взаимодействии» ([12], с. 3). Но Гофман также говорит, что в реальном взаимодействии происходит соединение второго и третьего элементов, то есть актеры сами становятся публикой друг для друга. Целью драматургического действия является самопрезентация, то есть попытка произвести на публику нужное впечатление, и тем самым заставить ее способствовать достижению цели деятеля. Самопрезентация происходит посредством того, что актер постоянно меняет «маски», то есть действует в соответствии с теми требованиями, которые выдвигает данная ситуация, при этом у него есть только одна цель – произвести благоприятное впечатление на публику. Особенности самопрезентации каждого человека, вне всякого сомнения, тесно связаны с его индивидуально психологическими особенностями, такими как, например, темперамент и другими личностными характеристиками, содержащимися в субъективном мире.

Таким образом, определяя понятие драматургического действия, мы имеем дело с взаимодействием субъективного мира в лице индивидуальных особенностей актера, и социального мира в лице публики и необходимости самопрезентации для достижения своей цели.

Если пытаться провести аналогию с теорией действия Вебера, то единственным идеальным типом, которому можно поставить в соответствие драматургическое действие является аффективное действие. Однако, сходство между этими двумя типами действия обусловлено, по нашему мнению, только эмоциональным характером обоих. Если аффективное действие по

Веберу "находится на границе и часто за пределом того, что осмысленно, осознанно ориентировано", то драматургическое действие является осознанной и сознательной самопрезентацией индивида, но поскольку эта самопрезентация во многом зависит от индивидуальных психологических особенностей «актера» и «публики», мы все же поставим ее в соответствие (хотя и не без некоторых оговорок) аффективному типу действия по Веберу.

Из вышесказанного вытекает и место драматургического действия в системе координат социального действия. Мы поместим его в ту четверть, где пересекаются аффективность и индивидуализм, но оно все же будет несколько смещено по горизонтальной шкале в сторону аффективной нейтральности. Что же касается индивидуализма, то наш выбор здесь очевиден, так как «актер» представляя себя на публике (создавая свой «публичный имидж») руководствуется личными индивидуальными, интересами (см. приложение).

(3) Когда мы говорим о *коммуникативном действии* и о коммуникациях вообще, на ум в первую очередь приходят понятия, связанные с языковыми коммуникациями. Мы не станем нарушать этого представления и попытаемся проанализировать понятие коммуникативного действия с точки зрения языка. Здесь следует прояснить ту роль, которую Хабермас отводит языку в системе межличностных взаимодействий, для этого мы попытаемся определить, каким образом язык участвует во всех вышерассмотренных моделях действия.

Стратегическое действие может быть определено, как мотивированное эгоцентрическими представлениями о пользе, взаимодействие, подкрепленное языковыми «действиями». Для нормативного, так же как и для драматургического действия, необходимым условием является достижение консенсуса или так называемого «общего языка» участниками взаимодействия, основа этого консенсуса заложена в природе языка. Во всех этих моделях действия язык участвует по-разному, но односторонне. Стратегическая модель действия определяет язык как одно из многих средств общения, через которое ориентированные на собственный успех и пользу деятели пытаются влиять друг на друга с тем, чтобы заставить своего партнера действовать так, как это ему (деятелю) выгодно. Нормативная модель понимает язык как средство культурной трансмиссии, то есть как средство передачи и воспроизводства культурных ценностей и норм. Драматургическая модель определяет язык как средство самопрезентации, здесь язык может превращаться в стилистические и эстетические формы самопрезентации, такие как, например, мимика или язык жестов. И только коммуникативная модель действия представляет язык как средство понимания между участниками взаимодействия, причем «говорящий» и «слушатель» одновременно рефлексиируют на «горизонте» их жизненного мира что-либо из объективного, социального или субъективного миров, с тем, чтобы сформулировать совместное понятие о ситуации действия. Односторонность трех языковых концепций (стратегической, нормативной и

драматургической) видна хотя бы в том, что все они являются частными, предельными случаями коммуникативной модели. В этом плане, стратегическое действие выступает, как ситуативное согласие тех, кто ориентирован лишь на достижение своих личных целей, нормативное действие как совместное действие тех, кто лишь актуализирует уже существующие нормы, и, наконец драматургическое действие, как ориентированная на зрителя попытка самопрезентации. «При этом «используется» только одна функция языка: разрешение противоречий, мешающих межличностному взаимодействию, в то время как коммуникативная модель действия предполагает выполнение всех функций языка» ([5], с. 143).

Прежде чем определить понятие коммуникативного действия следует ввести одно ограничение, связанное с характером действия вообще. Под действием мы, вслед за Хабермасом будем понимать лишь такую активность, когда деятель взаимодействует с одним из трех миров отнесения. В этом плане следует отличать действия от «телодвижений» и «операций». «Телодвижения» являются лишь субстратом, в котором выражаются действия, но никак не простейшими действиями (basic actions), как говорил А. Данто. Таким образом, *«телодвижения» являются элементом действия, но не действием.*

Итак, основным определяющим понятием и собственно целью коммуникативного действия является так называемая «Situationdefinition», то есть общее определение или понятие о ситуации, к которому приходят деятели в процессе коммуникативного взаимодействия. Здесь следует отметить, что ни один из участников взаимодействия не обладает интерпретационной монополией, то есть, не имеет права навязывать свое понятие о ситуации партнеру. Задача каждого из участников взаимодействия состоит в том, чтобы спроектировать мнение партнера о ситуации на свое собственное ее определение, так, чтобы "его" мир и "мой" мир превратились в "наш жизненный мир" ([5], с. 150). В случае нахождения общего понятия о ситуации субъекты начинают далее действовать сообща, в соответствии с коммуникативной моделью действия.

Если пытаться поставить коммуникативное действие в соответствие одному из идеальных типов действия по Веберу, то здесь возникают некоторые затруднения. Мы не решаемся подобрать аналогичный тип действия у Вебера. Однако, здесь все же следует отметить, что по уровню рациональности коммуникативное действие стоит даже несколько выше целерационального действия, так как деятель осознает необходимость совместного действия, на основе найденного общего языка и учета интересов своего партнера по взаимодействию. По нашему мнению, понятие коммуникативного действия является основной новацией Хабермаса по отношению к теории действия Вебера.

Что же касается места коммуникативного действия в нашей системе координат социального действия, то, по нашему мнению, его следует отнести к единственной оставшейся четверти, где пересекаются аффективная нейтральность и коллективизм. Это обусловлено, во-первых,

рациональным (аффективно нейтральным) характером коммуникативного действия, и, во-вторых, его коллективной ориентацией, о которой мы говорили выше.

В заключение следует еще раз отметить, что коммуникативное действие, как, собственно, и три остальные типы действия, выделенные Хабермасом, являются идеальными типами действия, и в чистом виде в реальной повседневной практике межличностного взаимодействия не встречаются. Так, например, общее определение ситуации, в случае коммуникативного действия, вырабатывается далеко не в каждом взаимодействии, стабильность и согласие деятелей в отношении ситуации в реальной повседневной практике, скорее исключение, нежели правило.

По всей видимости, более реалистичной является такая модель действия, в которой гармонически сочетаются черты всех четырех, выделенных Хабермасом, идеальных типов.

Заключение

Начиная наше исследование, мы ставили перед собой цель проанализировать основные социологические взгляды Юргена Хабермаса и детально рассмотреть его типологию социального действия и провести некоторые аналогии с работами других исследователей (а именно Макса Вебера и Т. Парсонса) в этой области.

Теперь настало время подвести итоги нашего исследования.

Итак, мы рассмотрели все основные направления, в которых Хабермас вел свои исследования и пришли к выводу о том, что Хабермас является одним из немногих исследователей пытающихся примирить два антагонистических подхода к социальной науке, существующих в настоящее время. Напомним, что представители одного из подходов исходят из понимания общества, как особого типа реальности, объективно существующего, имеющего свои собственные «законы», доступные объяснению только изнутри, другая группа ученых берет за основу индивидуальное действие человека. Юрген Хабермас в своей концепции пытается объединить эти два подхода.

Что касается типологии социального действия Юргена Хабермаса, то здесь основными выводами являются: тезис о том, что теория Хабермаса является реконцептуализацией теории действия Вебера (причем, по нашему мнению, достаточно качественной) и построенная нами на основе типовых переменных Парсонса система координат социального действия (см. приложение). Здесь следует также отметить некоторые соображения относительно практического применения типологии действия Хабермаса для анализа конкретных социальных процессов. По нашему мнению, каждый из типов действия, выделенных Хабермасом, может быть использован для анализа своей сферы социальной реальности. Так телеологическое и особенно стратегическое действие может быть использовано для анализа и прогнозирования в такой сфере реальности, как экономические отношения, нормативная модель действия применима к анализу культуры и некоторых других социальных явлений, особое значение нормативное действие имеет для

статусно-ролевых отношений, драматургическая модель действия, скорее всего, применима на социально-психологическом уровне, для исследования взаимоотношений индивидов и самопрезентации в малых группах. Что же касается коммуникативной модели действия, то она как мы уже говорили, вбирает в себя свойства всех трех вышеперечисленных моделей, и соответственно она может претендовать на применимость во всех сферах, где действуют три другие модели. Кроме этого коммуникативная модель может быть применена для анализа такого социального явления как межличностное общение, то есть взаимодействие людей по поводу какого-либо предмета, не входящего ни в одну из сфер, охваченных другими тремя типами действия.

Однако следует отметить, что теория Хабермаса все же далека от совершенства, она «ставит больше вопросов, нежели предлагает ответов» ([1], с. 328). В своей теории действия Хабермас допускает двойное упрощение, сводя действие к взаимодействию и рассматривая любое действие и взаимодействие как частный случай коммуникативного действия (это, по нашему мнению, является основным недостатком теории Хабермаса). Кроме этого, он так и не определяет четкого механизма эволюционных изменений жизненного мира.

Однако, несмотря на эти упущения, теория Юргена Хабермаса обладает огромным классификационным потенциалом и может вполне справедливо претендовать на роль концепции, объединяющей два методологических подхода к социальной науке.

Приложение

Система координат социального действия

В данном приложении мы сделаем попытку графически проиллюстрировать то, что мы говорили, сравнивая теорию действия Хабермаса с теориями Вебера и Парсонса. На горизонтальной оси отложен континуум между типовыми переменными индивидуализм – коллективизм, на вертикальной – между переменными аффективность – аффективная нейтральность. На вертикальной оси (шкале рациональности) также отложены идеальные типы социального действия по Веберу. Стрелками обозначены тенденции смещения отдельных типов действия в сторону той или иной типовой переменной.

Список литературы

1. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. - СПб.: Ольга, 1997. - 372 с.
2. Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность. - М.: Наука, 1988. - 254 с.
3. Буржуазная социология на исходе XX века. Критика новейших тенденций. - М.: Наука, 1986. - 218 с.
4. Вебер М. Аграрная история древнего мира. - М., 1923. - 546 с.
5. Jurgen Habermas The theory of Communicative Action. - Boston, 1984.
6. Popper K. R. Objektive Erkenntnis. - Heidelberg, 1973.
7. Popper K. R., Eccles J. C. The Self and its Brain. - N.Y., 1977.
8. Hartman N. Das Problem des geistigen Seins. - Berlin, 1932.
9. Jarvie I. C. Die Logik der Gesellschaft. - München, 1974.
10. Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - 801 с.
11. Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц. Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. - 560 с.
12. Goffman E. Wir spielen alle Theater. Die Selbstdarstellung im Alltag. - München, 1969.

Чаушян Максим Павлович, студент 5 курса Гуманитарного факультета Московского государственного авиационного института (технического университета)